

Ведьма из Сызрани

Свадьба с котом

СЫЗРАНЬ

Милана Панова

Ведьма из Сызрани.

Свадьба с котом

<https://litres.ru/74584408>

SelfPub; 2026

Аннотация

Выйти замуж ведьме просто. Если не считать четырёх тысяч гостей на ступах, водяного, который требует письменное приглашение с печатью, и проклятия длиной в сто пятьдесят шесть лет.

Василиса выходит замуж за участкового Егора. Дата — Иван Купала, как у всех Кругловых. Только у Кругловых на каждой свадьбе беда: у бабушки на праздник пришёл медведь, у прабабушки молния ударила в тополь. А теперь в примерочной вспыхивает платье, теплоход с девичником садится на мель посреди фарватера, а жених слёг с температурой.

Ниточка ведёт в сызранский ЗАГС, к строгой начальнице Пелагее Саввишне, которая регистрирует браки уже сто шестьдесят лет. А разгадку знает кот Модест — и очень не хочет её рассказывать.

Третья книга о ведьме из Сызрани — смешная и тёплая история про свадьбу, прощение и о том, что иногда самое сильное колдовство — это просто сказать «спасибо».

Содержание

Глава 1. Ледоход	4
Глава 2. Список гостей	10
Глава 3. Платье	17
Глава 4. ЗАГС	27
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Милана Панова

Ведьма из Сызрани.

Свадьба с котом

Глава 1. Ледоход

Волга тронулась одиннадцатого апреля, в воскресенье, в шесть часов утра, и об этом знал весь город.

Не потому, что об этом написали в местных новостях — хотя написали, конечно. «Сызрань-онлайн» дал заметку с фотографией: «На Волге начался ледоход. Жителей просят не выходить на лёд». Жители, разумеется, вышли. Только не на лёд, а на берег.

К половине шестого на затоне у старых барж стояли человек двести. Потом триста. Потом Василиса перестала считать. С термосами, с детьми, с собаками, в пуховиках поверх пижам. Хор «Волжские зори» приехал из Хвалынского на первом автобусе, в полном составе, в одинаковых синих куртках. Зинаида Павловна стояла с блокнотом и отмечала явку. Геннадий Петрович — в шинели. Никита держал плакат: «ПРОХОР ВОЛГОВИЧ, С ДОБРЫМ УТРОМ!» Водяной на плакате был нарисован с двенадцатью руками, и в каждой — по рыбе.

Никто никого не звал. Просто в декабре, в ночь солнцестояния, Прохор Волгович сказал из-под воды: «Песню пусть каждую весну поют. На ледоход. Все». И город запомнил.

Лёд на Волге стоял серый, ноздреватый, весь в трещинах, с тёмными полыньями. Он гудел. Низко, протяжно, как огромный орган где-то под землёй. Иногда что-то трескало — громко, как выстрел, — и по льду пробегала чёрная молния.

— Сейчас, — сказал Модест. Он сидел у Василисы на плече, как попугай у пирата, и смотрел на реку. Одиннадцать килограммов на одном плече — это было тяжело, но Василиса не жаловалась. — Сейчас пойдёт.

И лёд пошёл.

Сначала незаметно. Просто вдруг вся огромная серая равнина сдвинулась — вся сразу, как будто кто-то потянул за скатерть. Потом заскрежетало. Льдины полезли друг на друга, вставая на дыбы, ломаясь, переворачиваясь. Где-то у Александровского моста грохнуло так, что с ивы у затона посыпались вороны.

И Василиса запела.

«М-м-м... м-м-м-м... м-м-м...»

Рядом запела Анжела. Тётя Нюра — басом. Хор «Волжские зори». Зинаида Павловна, опустив блокнот. Пыжиков, державший на плечах внука, приехавшего на праздники из Самары. Егор — тихо, фальшиво, держа Василису за руку.

Над Волгой, над грохочущим ледоходом, над затоном, над

старыми баржами плыла песня без слов. Та самая. Тягучая, медленная, древняя, как сама река.

И посреди реки, между двумя огромными льдинами, вода вдруг засветилась зелёным. Вспучилась. И из неё поднялась голова — огромная, серо-голубая, с зелёной бородой, полной ледяного крошева, ракушек и одной блесны.

Прохор Волгович зевнул. Широко, со вкусом, так что изо рта у него вылетел сонный окунь и шлёпнулся на льдину.

— Ну, — прогудел он на весь затон. — Разбудили. Молодцы. — Он оглядел толпу мутными зелёными глазами. — Много вас. Хорошо. — Потом нашёл взглядом Василису и прищурился. — Агафьина. Говорят, замуж идёшь?

Над затоном стало тихо. Только лёд скрежетал.

— Иду, — сказала Василиса. Голос у неё почему-то стал тонкий.

— За этого? — Водяной посмотрел на Егора. Егор стоял рядом с ней, в форме, потому что после ледохода ему надо было на смену, и держал её за руку. — Участкового?

— За этого, — сказала Василиса.

Прохор Волгович долго, очень долго смотрел на Егора. Егор, надо отдать ему должное, взгляд выдержал. Только побледнел немного.

— Помню его, — сказал наконец водяной. — В декабре на льду стоял. За руку тебя держал. Крепко держал. — Он помолчал. — Ладно. Годится. — И вдруг повысил голос так, что задребезжали стёкла в домах на Затонной: — А меня

позвать?!

— Что? — растерялась Василиса.

— На свадьбу позвать, говорю! — Водяной обиженно выпятил губу. — Агафья звала! В пятьдесят девятом! Я пришёл! Всю ночь гулял! — Он подумал. — Ну, не совсем гулял. Лежал в Сызранке у моста. Но всё слышал! И мне носили! Пирог носили! Лечо! Водку!

— Прохор Волгович, — сказала Василиса, — конечно, я вас позову. Я... я просто не знала, что вы...

— Не знала она, — проворчал водяной. — Письменно позови. Как положено. С печатью. Я приглашения люблю. Мне за четыре тысячи лет ни одного письменного приглашения не было. Агафья устно звала. — Он погрузился в воду по самую бороду. — Когда свадьба-то?

Василиса посмотрела на Егора. Егор посмотрел на Василису. Они до сих пор не договорились. Василиса хотела в сентябре, когда спадёт жара. Егор хотел в июне, потому что в июне у него отпуск. Зинаида Павловна, которая самопровозгласилась главным организатором свадьбы, хотела в августе, «чтобы помидоры уже были».

— Седьмого июля, — сказал вдруг Модест с плеча.

Все посмотрели на кота.

— Седьмого июля, — повторил Модест. Твёрдо, как будто давно всё решил. — Иван Купала. Самая короткая ночь. Самая сильная. Кругловы всегда на Купалу женились. Марфа — на Купалу. Агафья — на Купалу.

Прохор Волгович, единственный, кроме Василисы и пары ведьм в толпе, кто понял кота, медленно кивнул.

— На Купалу, — пророкотал он. — Добро. Жду письма. С печатью.

И ушёл под воду.

Льдина, на которой лежал окунь, медленно поплыла вниз по течению. Окунь возмущённо бил хвостом.

Толпа выдохнула. Потом зашумела. Потом захлопала. Хор «Волжские зори» грянул «Ой, то не вечер» — уже со словами. Зинаида Павловна что-то стремительно записывала в блокнот.

— Седьмое июля, — сказала Василиса, поворачиваясь к Егору. — Ты слышал?

— Слышал, — сказал Егор. — Мяу.

— Он сказал — седьмое июля.

— Я понял, — сказал Егор. — По лицу понял. Он всегда так смотрит, когда что-то решил и спорить бесполезно. — Он улыбнулся. — Седьмое так седьмое. Отпуск перенесу.

Василиса посмотрела на Модеста.

— Ты почему за нас решил?

Модест не ответил. Спрыгнул с её плеча на землю — тяжело, как мешок с цементом, — и пошёл к дороге. Хвост у него висел. Не трубой, как обычно, а просто висел.

— Модест?

— Кругловы на Купалу женятся, — сказал он, не оборачиваясь. — Так положено. Не спорь.

И ушёл.

Василиса смотрела ему вслед. Что-то с ним было не так. Уже недели три. С тех пор как в марте Егор официально переехал на Верхне-Кирпичную, и в прихожей появились его ботинки сорок шестого размера, а в ванной — его бритва, а на кухне — его кружка с надписью «Лучший участковый Сызранского района» (подарок тётки).

Модест стал молчаливым. Пропадал по ночам. Ел мало — оставлял по полбанки сметаны, чего за ним сроду не водилось. А один раз Василиса проснулась в три часа ночи и увидела его на подоконнике — неподвижного, чёрного, смотревшего на Волгу. Она позвала. Он не обернулся.

— Ревнует, — объяснил тогда Фрол Евсеич. — Двести лет при бабах прожил. Мужик в доме — непривычно.

— Модест ревнует? К Егору?

— А то, — сказал домовый. — Все коты ревнуют. Даже двухсотлетние. Особенно двухсотлетние.

Василиса тогда решила, что это пройдёт.

Не прошло.

Глава 2. Список гостей

— Двенадцать тысяч, — сказала Зинаида Павловна, глядя в блокнот поверх очков. — Это только ведьмы. Плюс фамильяры. Плюс родственники. Плюс соседи. Плюс...

— Зинаида Павловна, — сказала Василиса. — Не будет двенадцать тысяч. Это Римма Гареевна пошутила.

— Римма Гареевна, — сказала Зинаида Павловна, — не шутит. Я с ней вчера по телефону час разговаривала. Чудесная женщина. Строгая. Мы с ней договорились о логистике.

— О какой логистике?!

Был конец апреля. На кухне дома тринадцать на Верхне-Кирпичной шло совещание. Зинаида Павловна сидела во главе стола — на том месте, где раньше сидела Агафья, и Модест, на удивление, не возражал. Перед ней лежали три блокнота, ручка, калькулятор и папка с надписью «СВАДЬБА. СТРОГО». Рядом — Геннадий Петрович, её муж (они расписались в марте, тихо, в ЗАГСе, без гостей, «в нашем возрасте не до этого»), с картой Сызрани. Анжела — с сантиметровой лентой на шее и альбомом эскизов. Егор — с ноутбуком, на котором была открыта таблица «Бюджет». Таблица была красная.

Фрол Евсеич сидел на печке, свесив валенки, и комментировал.

Модеста на кухне не было.

— Римма Гареевна, — сказала Зинаида Павловна, — как председатель Центрального собрания ведающих, разослала официальное уведомление. Всем членам Собрании по России. Двенадцать тысяч триста сорок семь человек. Приглашение на свадьбу хранильницы Сызранского узла. — Она перевернула страницу. — Подтвердили участие пока четыре тысячи восемьсот. Остальные думают.

— Четыре тысячи восемьсот?!

— Это не все сразу, — успокоила Зинаида Павловна. — Часть придёт только вечером, на гуляние. Часть — в формате онлайн, Оксана будет трансляцию вести. Часть — на ступах прилетит, им парковка не нужна. — Она сделала пометку. — Но гостиниц всё равно не хватит. Я поговорила с директором «Волжских далей», с «Октябрьской», с «Сызранью», с общежитием вертолётного училища — Гена договорился, — и с тремя санаториями в Жигулях. Плюс частный сектор. Вся Верхне-Кирпичная предоставляет койко-места. И Нижне-Кирпичная. И Затонная. — Она подняла глаза. — Люда сдаёт подсобку «Продуктов».

— Подсобку?

— Там три раскладушки помещаются. Для небольших семейств.

Василиса закрыла лицо руками.

— Зинаида Павловна. Я хотела маленькую свадьбу. Человек пятьдесят. Только свои.

— Василиса, — сказала Зинаида Павловна голосом, ко-

торым сорок лет объявляла начало педсовета. — Ты хранительница Сызранского узла. Ты в декабре всю Россию спасла. Ну, половину. Ну, Поволжье. — Она поправила очки. — Маленькой свадьбы у тебя не будет. Смирись.

— Не будет, — согласился Фрол Евсеич с печки. — У Кругловых маленьких свадеб не бывает. Никогда не было.

Что-то в его голосе заставило Василису поднять голову.

— Фрол Евсеич. А какие были?

Домовой помолчал. Пожевал бороду.

— Разные, — сказал он уклончиво.

— Фрол Евсеич.

— Ну... — Домовой почесал затылок. — Агафьину помню. Пятьдесят девятый год. Седьмое июля. Народу было — вся Верхне-Кирпичная, и Нижняя, и пол-Сызрани. Водяной в Сызранке лежал. Евдокия из Москвы приехала. Гуляли во дворе, столы до самого спуска стояли.

— Красиво, наверное, — мечтательно сказала Анжела.

— Красиво, — согласился домовой. — Пока медведь не пришёл.

На кухне стало тихо.

— Какой медведь? — спросил Егор.

— Обыкновенный. Бурый. Из цирка. Шапито в тот год в Сызрани стояло, на пустыре у вокзала. Медведь сбежал. Ночью. Пришёл на запах. Прямо к столу. Съел свадебный пирог. Целиком. Трёхъярусный. — Фрол Евсеич помолчал. — И жениха поцарапал. Деда твоего, Васёна. Андрея Кругл...

то есть Андрея Николаевича. Он потом всю жизнь шрам на плече носил.

— А потом?

— А потом цыгане медведя увели, — сказал домовый. — Цыгане тоже на свадьбу пришли. Незванные. Медведя увели, а заодно и самовар. Агафьин. Тульский. Медный. С медалями. — Он вздохнул. — А потом пожар был.

— Пожар?!

— Небольшой. Сарай сгорел. Кто-то из гостей окурок бросил. Пожарные приехали. Тоже остались гулять. — Фрол Евсеич задумался. — Хорошая была свадьба. Весёлая. Агафья потом смеялась. А тогда плакала.

Василиса смотрела на печку.

— Фрол Евсеич, — сказала она медленно. — А до бабушки? Её мама. Прабабушка Дарья. Как у неё была свадьба?

Домовой замолчал совсем.

— Фрол Евсеич.

— Двадцать третий год, — сказал он неохотно. — Год только кончился. Свадьбу играли скромно. Двор, пироги. Только начали — гроза. Молния в тополь. Тополь — на крышу. Полкрыши снесло. Невеста под дождём венчалась. В церкви на Советской. Батюшку молнией по маковке, слава богу, не насмерть.

— А до неё?

— Девяносто восьмой год. Прабабка твоей прабабки. Анфиса. — Домовой говорил всё тише. — На свадьбе жених

в Волгу упал. С пристани. Пьяный. Еле вытащили. Прохор вытащил, по старой дружбе.

— А до неё? Марфа?

Фрол Евсеич не ответил.

Он смотрел на Василису, и в маленьких чёрных глазах-смородинах было что-то, чего она раньше у него никогда не видела. Страх.

— Марфину — не видел, — сказал он наконец. — Я в тот вечер в бане отсиживался. У банника. Гостей сто двадцать душ, шум, гам — а я только-только переехал, дом новый, всего боялся. — Он отвёл глаза. — Модест помнит. Он при Марфе был. Он на столе сидел.

— Модест? — Василиса огляделась. Кота не было. — Где он?

— Ушёл, — сказал домовый. — С утра. Как ты про свадьбу заговорила — так и ушёл.

Вечером, когда все разошлись, Василиса достала Гроссбух.

Гроссбух за прошедший год распух ещё на триста страниц и теперь не закрывался — его приходилось стягивать бабушкиной бельевой резинкой. Но Василисе нужны были не новые страницы, а старые. Самые старые.

Она уже знала, что Гроссбух — не одна книга. Под коленкорovým переплётом, который завела Агафья в шестидесятых, были вклеены, вшиты, вложены другие: тетради Дарьи двадцатых годов, с ятями и без; толстая конторская книга

Анфисы, переплетённая в кожу; и в самом конце, в отдельном конверте из вощёной бумаги, — несколько листов, исписанных выцветшими коричневыми чернилами, острым, летящим, почти неразборчивым почерком.

Марфа.

Василиса развернула листы очень осторожно. Бумага была хрупкая, жёлтая, ломкая по сгибам. Чернила местами расплылись — как будто на них когда-то капала вода. Или слёзы.

Записи были короткие. Почти все — про клиентов. «Мещанка Пухова. Сглаз на корову. Снят. Плата — гусь». «Купеческий сын Ерохин. Приворот просил. Отказала — дурак». «Холера на Затонной. Ходила три дня. Шестеро живы. Двое — нет. Господи, прости».

А потом, на последнем листе, — другое. Не про клиентов. «7 июля 1871 г. Венчалась с Евграфом Петровичем Кругловым. Свадьба во дворе. Гостей сто двадцать душ.

Пелагея пришла.

Не звала я её. Он не звал. Сама пришла. В чёрном. Стояла у калитки весь вечер. Смотрела.

А потом М.

Господи. Зачем он. Зачем.

Пелагея сказала: „Ни одной вашей свадьбе гладко не пройти. Ни твоей, ни дочери твоей, ни внучки, ни правнучки. Пока кругловская невеста сама ко мне не придёт да в пояс не поклонится“.

И ушла.

Я не пошла. Гордая. Евграф говорит — пустое, бабьи сказки.

Не пустое. Я нитку видела. Чёрную. На весь род.

Простите меня, девки. Все, кто после меня. Простите».

Василиса дочитала. Перечитала. Положила лист на стол.

За окном было темно. Над Сызранкой висел туман. Где-то лаяла собака.

— Пелагея, — сказала она вслух. — Кто такая Пелагея?

Никто не ответил. Фрол Евсеич за печкой притворялся, что спит. Это у него получалось плохо — он сопел слишком громко и слишком ровно.

— И кто такой «М.»? — спросила Василиса.

Тишина.

Она посмотрела на подоконник. Там, где обычно по ночам сидел Модест, было пусто.

Василиса вспомнила, как он сказал на ледоходе: «Кругловы на Купалу женятся. Так положено. Не спорь». И как у него висел хвост.

Двести семнадцать лет. При Марфе был. Помнит.

«А потом М. Господи. Зачем он».

— Нет, — сказала Василиса. — Не может быть.

Фрол Евсеич за печкой засопел ещё громче.

Глава 3. Платье

Платье поехали выбирать в Самару, в первую субботу мая, вчетвером: Василиса, Анжела, Оксана и Зинаида Павловна.

Зинаида Павловна поехала, потому что «без меня вы купите какую-нибудь срамоту». Оксана — потому что примчалась из Москвы на выходные, где она уже три месяца вела всероссийский чат Центрального собрания ведающих («Двенадцать тысяч участниц, Вася! Я сплю по четыре часа! Мне нравится!»). Анжела — потому что Василиса её позвала.

Анжела за год изменилась ещё больше. С рынка она ушла в феврале — тётя Нюра сказала: «Сало ты отработала, девка, и ещё с горкой. Иди, делай, что умеешь». Выяснилось, что умеет Анжела шить. Оказалось, она шила всю жизнь — те самые белые платья для «Портала изобилия» были сшиты ею самой, по ночам, на старой машинке «Подольск», которую она возила за собой из Сызрани в Москву и обратно. Теперь у неё было маленькое ателье в полуподвале на Советской, «Ремонт и пошив одежды», и очередь на месяц вперёд. Сызранские женщины несли ей всё: подшить брюки, перешить мамино пальто, сшить платье на выпускной. Анжела брала недорого, шила хорошо и, как говорили, «с душой». Некоторые клиентки утверждали, что в её платьях им везёт. Анжела отвечала, что это ерунда. Но Василиса видела нитки — и знала, что не ерунда. Маленько. Совсем чуть-чуть. Без вся-

кого камня. Просто от того, что Анжела, когда шила, думала о том, кто будет это носить.

— Я бы сама сшила, — сказала Анжела в электричке. — Если хочешь.

— Хочу, — сразу сказала Василиса.

Анжела замерла.

— Правда?

— Правда. Но сначала посмотрим, что бывает. Чтобы понять, чего я хочу. Я вообще не понимаю, чего я хочу.

— Это нормально, — сказала Зинаида Павловна. — Никто не понимает. Я в свою первую свадьбу — в семьдесят девятом — пришла в салон за белым, а ушла в голубом. С рюшами. Мама плакала.

— А во вторую? — спросила Оксана.

— Во вторую я пришла в ЗАГС в той блузке в цветочек, — сказала Зинаида Павловна. — И Гене понравилось.

Свадебный салон «Белая лилия» на Ленинградской был огромный, белый, зеркальный и пах ванилью. Платья висели рядами, как облака: пышные, узкие, короткие, длинные, с кружевом, со стразами, с перьями, с открытой спиной, с закрытой спиной, с рукавами-фонариками, без рукавов. Консультант — девушка с идеальными бровями и бейджиком «Карина» — посмотрела на Василису, на Зинаиду Павловну в блузке, на Оксану с розовыми волосами, на Анжелу в сером, и улыбка у неё стала профессиональной до хруста.

— Какой стиль предпочитаете? — спросила она. — Прин-

цесса? Русалка? Ампир? Бохо?

— Только не русалка, — сказала Василиса. — С русалками у меня... сложно.

— Понимаю, — сказала Карина, хотя явно не понимала. Василиса мерила.

Пышное «принцесса» — и выглядела как торт со взбитыми сливками. Узкое «футляр» — и не могла сделать шаг. Короткое — и Зинаида Павловна сказала «срам». Бохо, с кружевом и бахромой, — и Оксана сказала «как хиппи на Вудстоке, только хорошо», а Ангела молча покачала головой.

Седьмое платье было... почти.

Простое. Белое, но не ослепительно, а тёплого, молочного оттенка. Из тяжёлого шёлка, который струился до самого пола. С длинными узкими рукавами. С высоким воротом. Никаких страз, никаких перьев. Только по вороту и по краю рукавов — тонкая вышивка белой гладью: листья, травы, какие-то цветы.

Василиса вышла из примерочной и посмотрела в зеркало.

Из зеркала на неё смотрела незнакомая женщина. Серьёзная. Красивая. Немного похожая на бабушку на той единственной свадебной фотографии, что стояла на комод, — Агафья Семёновна, двадцать два года, в белом платье с высоким воротом, держит под руку деда Андрея, и оба щурятся на солнце.

— Ой, — сказала Оксана. И больше ничего не сказала, что для Оксаны было беспрецедентно.

Зинаида Павловна сняла очки и вытерла глаза.

Анжела смотрела молча. Долго. Потом подошла ближе. Потрогала ткань на рукаве. Потрогала вышивку.

— Это, — сказала она тихо, — почти правильно. Ворот чуть-чуть выше. Рукав — с клином, чтобы руку поднять можно было. Вышивку — не машинную. Руками. И травы — не эти. Не ромашки. Зверобой. Полынь. Чабрец. Мята. — Она подняла глаза на Василису. — Как на банках у Агафьи. Как в доме.

У Василисы перехватило горло.

— Сошьёшь?

— Сошью, — сказала Анжела.

Карина с бейджиком наблюдала за ними с выражением человека, у которого на глазах уплывает комиссия.

— Может быть, всё-таки примерите ещё одно? — с надеждой спросила она. — У нас как раз новая коллекция...

— Можно, — вежливо сказала Василиса. Ей было неловко перед девушкой. — Одно. Последнее. Для сравнения.

Она вернулась в примерочную. Карина внесла следом платье — что-то воздушное, с юбкой из десяти слоёв фатина, — и повесила на крючок.

Василиса начала расстёгивать молочное. Пуговицы были мелкие, обтянутые шёлком, их было много. Она возилась с ними, стоя спиной к зеркалу, когда почувствовала запах.

Дым.

Она обернулась.

Фатиновое платье на крючке горело.

Не тлело — горело. Яркое, веселое, жёлтым пламенем, сразу всё — от подола до лифа. Десять слоёв фатина вспыхнули, как сухая трава. Огонь лизнул занавеску примерочной. Занавеска тоже вспыхнула.

Василиса закричала.

Дальше всё произошло очень быстро. Ангела рванула занавеску — та сорвалась с колец и упала на пол, горящая. Оксана схватила с витрины огромную вазу с белыми лилиями и выплеснула воду на пол. Зинаида Павловна, не растерявшись ни на секунду, сдёрнула с себя шерстяную кофту и накрыла ею горящий фатин. Карина визжала. Где-то под толчком завывала пожарная сигнализация, и сверху, из спринклеров, хлынул дождь.

Через две минуты всё было кончено.

Василиса стояла посреди мокрой, задымлённой примерочной в молочном шёлковом платье, расстёгнутом на спине, и вода текла с потолка ей на голову. Платье — то, молочное, «почти правильное», — было мокрым насквозь. Но целым. Ни пятнышка сажи. Ни подпалины.

Фатиновое на крючке превратилось в чёрный скелет из проволоки и пепла.

— Как? — кричала Карина, хватаясь за идеальные брови. — Как?! Оно же не горючее! У него сертификат! Пожарный сертификат! Там нет ни одной розетки! Там нет ни одной свечки! Как?!

Никто ей не ответил.

Анжела стояла у сгоревшего платья и смотрела на него. Не на пепел — на что-то над ним. Василиса знала этот взгляд. Сама так смотрела. Анжела нитки больше не видела — Агафья запечатала, — но что-то, видимо, всё-таки чувствовала.

— Вася, — сказала она очень тихо. — Посмотри.

Василиса повернула ручку настройки.

Над сгоревшим платьем, над крючком, над мокрой прищепочной, тянулась нитка. Тонкая. Чёрная. Старая — такая старая, что казалась не ниткой, а трещиной в воздухе. Она тянулась откуда-то издалека — с запада, со стороны Сызрани, — и упиралась прямо в Василису. В её грудь. Под сердце.

Василиса проследила её взглядом — насколько хватало глаз. И увидела: нитка не одна. От неё назад, в прошлое, уходили другие такие же. Пять. Шесть. Тонкие, чёрные, обрезанные, мёртвые. Агафья. Дарья. Анфиса. Марфа. Как ветки на сухом дереве.

«Я нитку видела. Чёрную. На весь род».

— Это проклятие, — сказала Василиса. — Свадебное. Оно настоящее.

— Я знаю, — сказала Анжела. — Агафья рассказывала. Когда я маленькая была. Говорила: «У Кругловых на свадьбах всегда беда. Но ты не бойся, девка, мы привычные». — Она помолчала. — Я думала — это она так шутит.

Оксана, мокрая насквозь, с ветками лилий в розовых волосах, смотрела на них круглыми глазами.

— Проклятие? — спросила она. — Настоящее проклятие? На свадьбу? Как в кино?

— Как в кино, — сказала Василиса.

— Ой, — сказала Оксана. И, подумав, добавила: — А можно я про это в чат напишу? Девочки помогут!

— Нет, — сказали Василиса и Анжела хором.

Зинаида Павловна, в мокрой блузке, без кофты, подошла к Карине, которая сидела на пуфике у входа и рыдала, и положила ей руку на плечо.

— Деточка, — сказала она. — Не плачь. За платье мы заплатим. И за кофту я не в претензии. — Она помолчала. — А знаешь что? Ты скажи хозяйке, что это был поджог. Неустановленным лицом. Так всем проще будет.

Карина подняла на неё заплаканные глаза.

— А кто это был?

Зинаида Павловна посмотрела на Василису. Василиса — на чёрную нитку в воздухе.

— Неустановленное лицо, — сказала Зинаида Павловна. — Сто пятьдесят лет как неустановленное.

Домой ехали молча. Молочное платье, мокрое, везли в чехле, и Анжела всю дорогу держала его на коленях, как ребёнка.

Молочное платье Василиса не купила. Анжела сказала, что сошьёт такое же, только правильное. А это — пусть в салоне остаётся. На память.

Вечером, на Верхне-Кирпичной, Василиса рассказала

Егору. Всё. Про Марфину запись. Про Пелагею. Про чёрную нитку. Про сгоревший фатин.

Егор слушал молча, сидя на лавке, держа в руках кружку «Лучший участковый Сызранского района». Потом поставил кружку.

— То есть, — сказал он, — на нашей свадьбе будет что-то плохое. Обязательно.

— Обязательно.

— Медведь, — сказал Егор. — Пожар. Гроза. Кто-нибудь в Волгу упадёт.

— Что-то из этого. Или всё сразу. Или хуже. Каждый раз хуже, Егор. Я посмотрела — нитка с каждым поколением толще. У Марфы — как волосок. У бабушки — как бечёвка. У меня — как верёвка.

Егор долго молчал. Потом сказал:

— Знаешь, у меня на участке в прошлом году свадьба была. В кафе «Жемчужина» на Ульяновской. Там жених с тёщей подрался. Тёща его салатницей. С оливье. Он её — тортом. Я туда приезжал, протокол составлял. Свидетель со стороны невесты меня укусил. — Он пожал плечами. — Безо всякого проклятия.

Василиса засмеялась. Сквозь слёзы. Неожиданно для самой себя.

— Я на тебе женюсь, Вась, — сказал Егор. — С медведем, без медведя. Хоть с двумя медведями. Хоть с цыганами. Я, если что, участковый. Я с медведем договорюсь. С цыганами

— тем более.

— А с пожаром?

— Пожарная часть номер тридцать три, — сказал Егор. — Начальник — Валера Кутузов. Мой одноклассник. Он и так на свадьбу придёт. Скажу — пусть с машиной приезжает.

Василиса уткнулась ему в плечо.

— Ты не понимаешь. Это не шутки. Марфа написала: «Пока кругловская невеста сама ко мне не придёт да в пояс не поклонится». Значит, есть способ. Значит, надо найти эту Пелагею. Если она жива. Если она вообще... кто-то, кого можно найти.

— Найдём, — сказал Егор. — Я участковый. Я кого угодно найду. — Он помолчал. — Фамилия у неё есть?

— Не знаю. Только имя. Пелагея.

— Год рождения?

— Не знаю. Где-то до тысяча восемьсот семьдесят первого.

— Особые приметы?

— Ходит в чёрном. Проклинает свадьбы.

Егор достал блокнот. Записал. Посмотрел на запись. Вздыхнул.

— Ну, — сказал он, — бывали ориентировки и похуже.

На подоконнике, в темноте, неслышно появился Модест. Василиса не видела, как он пришёл. Просто вдруг — сидит. Чёрный на чёрном. Только глаза светятся.

— Модест, — сказала Василиса, поднимая голову. — Ты

слышал?

Кот молчал.

— Модест. Кто такая Пелагея? Кто такой «М.»? Ты там был. В семьдесят первом. Фрол Евсеич сказал — ты помнишь.

Кот смотрел на неё. Жёлтыми глазами. Долго. И в этих глазах — Василиса видела это даже в темноте — было что-то, чего она никогда в них не видела.

Стыд.

— Не сейчас, — сказал Модест хрипло. — Пожалуйста, Васёна. Не сейчас.

И прыгнул с подоконника. Не в дом — на улицу. В туман.

Егор, разумеется, слышал только «мяу». Но посмотрел вслед коту долгим, внимательным, профессиональным взглядом.

— Знаешь, — сказал он, — у меня в практике так ведут себя свидетели, которые что-то знают. И очень не хотят говорить.

— Он не свидетель, — сказала Василиса.

— Да, — согласился Егор. — Похоже, не свидетель.

Глава 4. ЗАГС

Заявление в Сызранский отдел ЗАГС подавали в понедельник, в десять утра.

Можно было подать через Госуслуги — Егор так и предлагал, — но Зинаида Павловна сказала, что это «не по-людски», а Фрол Евсеич с печки добавил, что Госуслуги — это «бесовщина, прости господи, там даже печати нет». Пришлось идти ногами.

Отдел ЗАГС располагался в старом купеческом особняке на улице Советской, в двух кварталах от храма. Двухэтажный, кирпичный, с белыми колоннами у входа, с лепниной над окнами, с чугунным балконом, с которого, по местной традиции, молодожёны после регистрации бросали букет. Дом был красивый и очень старый — старше, кажется, самого ЗАГСа.

— Дом купца Венцова, — сказал Егор, когда они подходили. — Тысяча восемьсот шестидесятые. Тут до революции свахи жили. Целая контора была. «Сватовство и устройство браков». Мне бабушка рассказывала.

Василиса остановилась на ступеньках.

— Свахи?

— Ну да. Купеческие свадьбы через сваху устраивали. Приданое, выгода, всё такое. — Егор открыл перед ней дверь. — А что?

— Ничего, — сказала Василиса. Но по спине у неё побежали мурашки.

Внутри было прохладно, тихо, пахло мастикой для паркета и лилиями. Паркет — старинный, ёлочкой, скрипучий. Лестница — мраморная, с дубовыми перилами. На стенах — фотографии в рамках: свадебные пары разных лет. Чёрно-белые, сепия, цветные. Василиса шла вдоль стены и смотрела. Девяностые — пышные рукава, начёсы. Восьмидесятые — фата до пола. Семидесятые — мини и бакенбарды. Шестидесятые. Пятидесятые. Довоенные. Дореволюционные — купцы в сюртуках, невесты в кринолинах.

На всех фотографиях — на самых старых, почти выцветших, и на самых новых, — где-то сбоку, на заднем плане, стояла одна и та же женщина.

Василиса остановилась. Присмотрелась. Нет — показалось. Просто похожие. Просто сотрудницы ЗАГСа разных лет, в похожих тёмных костюмах, с похожими гладкими причёсками. Совпадение.

— Вась? — позвал Егор.

— Иду.

Приёмная была на втором этаже. Девушка за стойкой — молоденькая, в очках, с бейджиком «Специалист Олеся» — приняла у них паспорта и анкету, поставила печати, сверилась с компьютером.

— Седьмое июля, — сказала она. — Хм. Это... это сложный день.

— Почему?

— Купала. Все хотят. — Олеся пощёлкала мышкой. — У нас всё занято. С десяти утра до шести вечера. Сорок две пары. Есть только последний слот, в шесть ноль-ноль. Но его Пелагея Саввишна не даёт. Никогда. Это её личное время.

Василиса медленно положила руки на стойку.

— Кто не даёт?

— Пелагея Саввишна, — повторила Олеся. — Наш руководитель. Начальник отдела ЗАГС. Она последнюю регистрацию в Купалу всегда сама... Ну, то есть никогда никому её не отдаёт. Сколько я работаю — три года — всегда пусто. Говорит — ждёт кого-то.

— Можно с ней поговорить? — спросил Егор.

— Ой, я не знаю. — Олеся покосилась на дверь в конце коридора. Дубовую, тяжёлую, с латунной табличкой. — Она не очень любит... Она вообще-то никого не принимает без записи. Но... — Она посмотрела на Егора, на его форму. — Ну, вы же из полиции. Попробуйте.

Табличка на двери гласила: «Начальник отдела ЗАГС г. о. Сызрань. Венцова Пелагея Саввишна».

Венцова. Дом купца Венцова. Сваха.

Василиса стояла перед дверью и не могла поднять руку, чтобы постучать.

— Вась? — тихо спросил Егор. — Ты чего?

— Егор, — прошептала она. — Это она.

Егор посмотрел на табличку. Потом на неё. Потом — сно-

ва на табличку. Лицо у него стало очень спокойным, профессиональным, тем самым, которое Василиса видела у него на льду в декабре.

— Понял, — сказал он. И постучал.

— Войдите, — раздалось из-за двери.

Голос был женский, низкий, глубокий, с лёгкой хрипотцой. Красивый голос. Старомодный — так говорили актрисы в чёрно-белом кино: чётко, с паузами, выговаривая каждую букву.

Кабинет был большой, с высоким потолком, с лепниной, с тремя окнами на Советскую. Обставлен он был так, будто за сто пятьдесят лет в нём не меняли ничего, кроме компьютера. Огромный дубовый стол с зелёным сукном. Кресла, обитые тёмно-бордовым бархатом. Книжные шкафы со стеклянными дверцами, за которыми — толстые амбарные книги, похожие на Гроссбух, только аккуратнее, с золотыми корешками. На стене — портрет. Масляный, в тяжёлой раме. Молодая женщина в тёмном платье с высоким воротом, с гладкой причёской, с серьёзным, красивым, печальным лицом.

За столом сидела та же женщина.

Не похожая. Та же. Только старше — на вид лет пятидесяти. Тёмный костюм — строгий, дорогой, с юбкой ниже колена. Белая блузка с жабо. Гладкие тёмные волосы с проседью, собранные в узел на затылке. Камея на груди. Лицо — то самое, с портрета: тонкое, правильное, печальное. Только

морщинки у глаз. И глаза — тёмные, почти чёрные, очень внимательные.

Она подняла голову от бумаг и посмотрела на Егора. Потом — на Василису.

И Василиса увидела, как что-то в этом лице дрогнуло. Едва-едва. Как вода, по которой прошла рыба.

— Круглова, — сказала Пелагея Саввишна. Не вопросительно.

— Круглова, — сказала Василиса. — Василиса Андреевна.

— Знаю. — Пелагея Саввишна отложила ручку. Старинную, перьевую, с золотым пером. — Внучка Агафьи. Правнучка Дарьи. Праправнучка... — Она остановилась. — Садитесь.

Они сели. Кресла были мягкие, глубокие, бархатные. Василиса провалилась в своё почти по плечи и почувствовала себя маленькой девочкой в кабинете директора.

— Вы пришли за последним слотом на Купалу, — сказала Пелагея Саввишна. — Седьмое июля, восемнадцать ноль-ноль.

— Да, — сказал Егор. — Вам Олеся сказала?

— Нет, — сказала Пелагея Саввишна. — Я знала. Сто пятьдесят шесть лет знала, что однажды придёте. — Она посмотрела на Василису. — Ваши всегда на Купалу женятся. Марфа на Купалу. Анфиса на Купалу. Дарья, Агафья. Все. Я каждый раз держу этот слот.

— Зачем? — спросила Василиса.

Пелагея Саввишна долго смотрела на неё. Потом встала. Подошла к окну. Встала спиной к ним, сложив руки за спиной. Высокая, прямая, в тёмном костюме, на фоне светлого майского окна, за которым шумела Советская.

— Затем, — сказала она, — что я хочу видеть. Каждый раз. Как это происходит.

— Что происходит?

— Как ваши свадьбы рушатся. — Голос у Пелагеи Саввишны был ровный. Холодный. Без всякого злорадства — и от этого было ещё страшнее. — Я регистрировала Агафью. В пятьдесят девятом. Здесь, в этом кабинете. Я была тогда заместителем. В зелёном платье. Она меня не узнала. Никто никогда не узнаёт. — Пауза. — А вечером к ним пришёл медведь.

Василиса вцепилась в подлокотники кресла.

— Дарью я не регистрировала. Двадцать третий год. Тогда ЗАГСов почти не было. Я стояла в церкви на Советской. У колонны. — Пелагея Саввишна помолчала. — Молния ударила в тополь. Я видела.

— Вы... — Голос у Василисы сел. — Вы их проклинали? Каждую?

— Нет, — сказала Пелагея Саввишна. И обернулась. — Я прокляла одну. Марфу. Один раз. В семьдесят первом году. Проклятие — оно как камень в воду. Бросишь один раз — а круги идут. Сто пятьдесят лет идут. Я больше ничего не

делала. Только смотрела.

Егор медленно поднялся.

— Пелагея Саввишна, — сказал он очень вежливо. — Я старший лейтенант Шмелёв. Участковый. Скажите, пожалуйста, — это то, о чём я думаю? Вы признаётесь в том, что вы... — он искал слово, — ...наводите порчу на граждан? Систематически? На протяжении ста пятидесяти лет?

Пелагея Саввишна посмотрела на него. Долго. Потом — впервые — улыбнулась. Устало, грустно, краешком губ.

— Молодой человек, — сказала она. — Составьте протокол. Статья какая будет? «Проклятие свадьбы по неосторожности»? Срок давности, полагаю, истёк. — Она снова повернулась к Василисе. — Вы знаете условие. Марфа его записала. Я видела, как записывала. Ночью. При свечке. Плакала и писала.

— «Пока кругловская невеста сама ко мне не придёт да в пояс не поклонится», — сказала Василиса.

— Вот, — кивнула Пелагея Саввишна. — Пришла. Сама. Первая из всех. Анфиса не пришла — гордая. Дарья не пришла — не верила. Агафья... — Пауза. Совсем короткая. — Агафья приходила. В пятьдесят девятом. За неделю до свадьбы. Стояла у моего стола. Вот как вы сейчас. Смотрела на меня. И не поклонилась.

— Почему?

— Сказала: «Не за что мне тебе кланяться, Пелагея. Не я тебя обидела». — Пелагея Саввишна села обратно за стол.

Взяла ручку. Повертела. — Правду сказала. Не она.

— А кто?

Пелагея Саввишна посмотрела на неё поверх стола. Тёмными, почти чёрными глазами.

— Спросите своего кота, — сказала она.

В кабинете стало очень тихо. За окном прогудела машина. Где-то в коридоре Олеся разговаривала по телефону.

— Модеста? — прошептала Василиса.

— Модеста, — сказала Пелагея Саввишна. И, взяв из стопки чистый бланк, начала что-то писать. Быстро, ровно, красивым каллиграфическим почерком. — Седьмое июля, восемнадцать ноль-ноль. Круглова и Шмелёв. Записываю. — Она поставила печать. Подула на чернила. Протянула Егору. — Приходите. Я сама вас распишу. Как всех ваших. — Она помолчала. — А поклониться... Подумайте, Василиса Андреевна. Время ещё есть. Но знайте: поклон — это не просто спину согнуть. Это надо, чтобы правда за ним стояла. Агафья это понимала. Потому и не кланялась.

— А если я поклонюсь — вы снимете проклятие?

Пелагея Саввишна посмотрела в окно.

— Не знаю, — сказала она. — Сто пятьдесят шесть лет — это долго. Оно уже не совсем моё. Оно выросло. Как дерево. Я его посадила, а растёт оно само. — Она повернулась. — Но попробовать можно. Если поклонитесь правильно. — И добавила, совсем тихо: — Я сама не знаю, чего хочу больше. Чтобы вы поклонились. Или чтобы опять не поклонились, и

я опять смотрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.